

изменился: все больший удельный вес стали занимать в ней дешевые местные товары Южного и Северного Причерноморья, вывозившиеся на Запад. В подобной ситуации итальянцы, как справедливо отмечает автор, были заинтересованы в деловом сотрудничестве как с крупными купцами, так и с мелкими торговцами этого региона.

К сожалению, весьма ограниченный объем монографии не позволил дать в виде приложений библиографию, индекс географических названий. Явно не хватает одной-единственной карты Южного Причерноморья для двух с лишком столетий, на протяжении которых границы государственных образований на этой территории неоднократно менялись. Заключение пришлось дать чрезмерно кратким. Порой язык повествования слишком лапидарен, что приводит изредка к некоторой неясности; так, не совсем понятно, какие же представители венецианского плебейства осели в городах Южного Причерноморья (с. 264); может быть, речь идет о пополанах? В любом случае утверждение нуждается в развернутом пояснении. На наш взгляд, термины «коммерция», «негоциант» мало подходят к периоду XIII—XV вв.

Исходя из содержания книги, попытаемся предложить несколько возможных вариантов будущих исследований. Новая, более высокая оценка роли в товарообмене, особенно со второй половины XIV в., местных греческих купцов (подчас получавших от Генуи и Венеции существенные права) и участия итальянцев во внутрирегиональной торговле

позволяет с несколько иных позиций подойти к характеристике состояния городов Южного Причерноморья, стимулирует дальнейшую разработку этой проблемы.

Далее, как показывает автор, генуэзские купцы вывозили на Запад также локальную аграрную продукцию (например, вино). Хотя они сами не отправлялись в сельскую округу, а скупали продукты у местных торговцев, увеличение сбыта такой продукции не могло не оказать влияние на экономические и социальные отношения в деревенском регионе. Было бы интересно проследить эти изменения (разумеется в том случае, если имеются соответствующие источники).

Написанная на очень высоком уровне монография С. П. Карпова имеет особое значение благодаря тому, что scrupulous анализ источников, в том числе впервые введенного в оборот архивного материала, позволил заполнить лакуны и по-новому взглянуть на ряд существенных аспектов избранной темы. К тому же монография имеет значение и для исследования истории самих государств Северного Причерноморья, а в известной степени также Крыма, Западного Кавказа и Персии. Наконец, теоретические выводы автора значительно расширяют возможности не только конкретно-исторического, но и методологического решения общей проблемы — роли и места товарного уклада в феодальном обществе эпохи его расцвета.

М. Л. А б р а м с о н

Strässle P. M. Der internationale Schwarzmeerhandel und Konstantinopel 1261—1484 im Spiegel der sowjetischen Forschung. Bern; Frankfurt a. Main; N. Y.; P.: Verlag Peter Lang, 1990. XI+384 S. Anm. I—V+XI S. 2 Karte.

Молодой швейцарский ученый П. М. Штрэссле поставил перед собой нелегкую и нетрадиционную для западноевропейской средневековедческой задачу: проанализировать развитие советской историографии черноморской торговли и колонизации в XIII—XV вв. во всех ее аспектах, от теоретико-методологических основ до конкретных результатов исследований. При этом он задается целью дать зеркальное отображение состояния советской исторической науки (с. 1). Штрэссле рассматривает труды по истории и археологии Черноморья за период с 1917 до 1986, в отдельных случаях до 1988 г. (с. 2, 20—21) на русском и украинском языках, а также публикации советских ученых за рубежом. Из обзора исключены нумизматические и эпиграфические штудии, носящие частный характер (с. 236, примеч. 3), описания путешествий, учебники (с. 5).

Стремление П. Штрэссле к максимальной четкости и универсальности используемых дефиниций, ясность и продуман-

ность постановки вопросов выгодно отличают эту работу.

После введения, где формулируются задачи и принципы исследования, автор дает краткое изложение экономического и политического развития Причерноморья и Византии в XIII—XV вв. В основной части книги, вслед за общей оценкой развития советской историографии в 1917—1988 гг., П. Штрэссле подробно рассматривает изучение торговых поселений и колоний Причерноморья, торговых путей, товаров, предпринимательских слоев («социальных носителей торговли»), торговой, колониальной и фискальной политики. Анализ осуществляется по примерно одинаковой схеме: сначала автором выделяются объекты и критерии рассмотрения, затем исследуется применяемая советскими учеными терминология, теоретическая основа и способы типологизации, критически оценивается разработанность каждой проблемы применительно к каждой из областей Причерноморья и подводятся итоги.

Чтобы максимально полно отразить формальные параметры, характеризующие состояние исследовательской работы в разных научных центрах СССР, П. Штрэссле приводит таблицу, демонстрирующую географию научных публикаций. В удобные таблицы сведены также данные об использованных автором исторических источниках (с классификацией их по типам, темам, регионам и периодам), о названиях торговых поселений и колоний, о категориях товаров. Две географические карты показывают местоположение торговых поселений и прохождение торговых путей.

П. Штрэссле выделяет целую серию факторов, обуславливавших функционирование и вызывавших изменения направлений торговых путей. Среди них названы и хозяйственно-политические предпосылки, и транспортные возможности, и категории товаров, и техника дорожного строительства, и обеспечение безопасности, и, наконец, социальный облик «носителей торговли» (с. 85—86). Учет этих факторов П. Штрэссле берет за основу при оценке советской историографии, справедливо обращая внимание на нечеткость используемых ею дефиниций. Но и Штрэссле, в свою очередь, не разграничил понятия «торговые пути» и «пути сообщения» (см. с. 102—103). Между тем единичный факт использования дороги для перевозки товаров еще не доказывает, что она была торговым путем. В этом отношении примечательна четко определившаяся в последние годы тенденция выделять магистральные коммуникации дальней торговли и систему региональных торговых путей. Во всем Причерноморье в XIV—XV вв. наблюдается процесс распада дальних связей, замены их более разветвленной, но менее централизованной сетью местных коммуникаций, расширения к XV в. географии торговых связей Каффы, Трапезунда, других крупных городов региона¹. Это не нашло должного отражения в работе Штрэссле.

Мы согласны со многими весьма критическими оценками П. Штрэссле. Действительно, научные дискуссии долгое время оставались «чуждым словом» в советской историографии Причерноморья (с. 25). Справедливы многочисленные ссылки Штрэссле на нечеткость терминологии, отсутствие семантического и критического анализа понятий и дефиниций

(с. 36, 53, 82, 87, 132 и др.), классификации и типологизации явлений и институтов торговой и колониальной практики средневековья. Верно, что и доньяне история черноморской торговли в целом, всех торговых поселений этого региона в XIII—XV вв. еще не была предметом междисциплинарного комплексного обобщающего исследования в советской (как, впрочем, и в зарубежной. — С. К.) историографии (с. 16, 54—55). Однако объяснение этого тем, что византиноведение было якобы долгое время «падcherицей» в советской исторической науке (что неверно, особенно для послевоенного периода), и тем, что черноморские проблемы находились до конца 50-х годов на периферии исследовательских интересов как не относящиеся к развитию собственно русских территорий (с. 16), не убедительно. И дело не только в том, что рестриктивная научная политика, ограничение научных контактов советских ученых, нередко их слабая языковая подготовка, огульная критика в прошлом так называемой «буржуазной» историографии (с. 16—17) и, добавим, идеологические табу, извращенное понимание проблемы научной актуальности, догматизм в трактовке положений основоположников марксизма-ленинизма препятствовали нормальному исследовательскому процессу. Все это так. Но есть и продолжат существовать и куда более веские объективные причины. Для подобной обобщающей работы, на наш взгляд, еще не созданы необходимые научные предпосылки. Для ее подготовки необходима целая серия конкретных, посвященных отдельным областям и проблемам исследований, выявление и публикации основного массива источников, прежде всего в итальянских и турецких архивах, проведение новых масштабных археологических работ как в Северном, так и в Южном Причерноморье (где они практически не осуществлялись). Необходимо создание базы данных источников всех типов. Такая работа рассчитана на многие годы. Абстрактно справедливое замечание при конкретном рассмотрении оказывается умозрительным.

Принципиально важным и дискуссионным остается вопрос: как называть итальянские поселения в Причерноморье, одни из которых были целыми большими городами (Каффа), мощными крепостями (Солдайя, Симиссо и др.), другие — скромными селениями на чужой территории. Можно ли именовать их колониями, как это часто делалось в советской историографии, применительно к Северному Причерноморью? Штрэссле полагает (с. 58, 60), что термин «торговое поселение» — наиболее синтетический, обозначающий как *genus proximum* и торговую колонию, и факторию, и квартал, и стратегический опорный пункт. Фактория же может рассматриваться как

¹ См., например: Еманов А. Г. Система торговых связей Каффы в XIII—XV вв.: Автореф. дис. . . . канд. ист. наук. Л., 1986. С. 8—9; Он же. Восточное направление торговли Каффы в XIII—XV вв. // ВЛГУ. Сер. 2. 1986. Вып. 3. С. 99—102; Карпов С. П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII—XV вв. М., 1990. С. 58—63.

первая ступень торговой колонии. Мне представляется, что для решения вопроса об определении типа торговых поселений Причерноморья необходим тщательный анализ их экономического, политико-юридического положения и объема прав (обладали ли они *dominium directum*, экстерриториальностью, какими-то специальными привилегиями), а также состава населения, характера отношений с местными жителями и властями, с метрополией. Пока такая работа не проведена во всем объеме, наиболее оправданным является (и в этом мы согласны со Штрэсселе) употребление общего термина «торговое поселение» вместо менее определенного и двусмысленного термина «колония».

Обобщая и критически анализируя большой круг разноплановых трудов, книга Штрэсселе не является все же, как было заявлено автором, «зеркалом» советской историографии Причерноморья. В работе, несмотря на тщательность и широкий охват литературы, все же имеются ощутимые лакуны. К примеру, из поля зрения автора выпали историко-архитектурные исследования Каффы², Солдайи и Восточного Крыма³ (указываем как работы, вышедшие до 1988 г., так и, в порядке дополнения, после). Трудно согласиться с утверждениями Штрэсселе, что в советской историографии не рассматривались проблемы истории торговли Зап. Причерноморья (с. 3), торговые поселения карпато-днестровского региона (с. 82, 227) или хозяйственно-политическая роль городов кавказского побережья (с. 50, 53 и др.). Отметим труды по болгарскому Причерноморью Л. В. Гориной⁴ и Д. И. Польшинного⁵.

² Например: Халпахчян О. Х. Этапы планировки и застройки Феодосии: (С древнейших времен до конца XVIII в.) // Архитектурное наследство. 1976. Т. 25. С. 35—49; *Он же*. Данные о неизвестном армянском монастыре в Каффе // Историко-филол. журнал АН АрмССР. 1978. № 2; Айбабина Е. А. Оборонительные сооружения Каффы // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев, 1988. С. 67—81.

³ Баранов Ю. А. Вновь открытый храм генуэзской колонии в Солдае // Четвертый Международный симпозиум по арх. искусству: Тез. докл. Ереван, 1985. С. 48—49; *Он же*. Главные ворота средневековой Солдайи // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. . . С. 91—97; Сидоренко В. А. Исследования архитектурных стилей Юго-Восточного Крыма // Там же. С. 115—128; Крамаровский М. Г. Солхат-Крым: К вопросу о населении и топографии города в XIII—XIV вв. // Итоги Археол. экспедиций Гос. Эрмитажа. Л., 1989. С. 141—157.

⁴ Горина Л. В. Города болгарского Причерноморья в середине XIV в. по

Последний, кстати, затрагивал проблему и в типологическом аспекте. К проблеме типологии городов обращался и В. Н. Завражин⁶. Торговые и политические связи с итальянскими морскими республиками Карпато-Днестровского региона изучались И. Г. Коноваловой⁷ и Г. В. Гонцой⁸; Северного Кавказа — А. М. Некрасовым⁹, Закавказья — Ю. Н. Вороновым¹⁰, Т. Н. Берадзе¹¹, Р. Н. Кацья¹², Э. М. Мамиствалишвили¹³, Д. Г. Пайчадзе¹⁴ (следуя критерию от-

дневнику А. Барбери // Источники и историография славянского средневековья. М., 1967. С. 72—83; *Она же*. Социально-экономические отношения во Втором Болгарском царстве. М., 1972; и др.

⁵ Польшинный Д. И. Болгарский средневековый город в XIII—XIV вв.: Автореф. дис. . . канд. ист. наук. М., 1980; *Он же*. Средневековый болгарский град през XIII—XIV вв. С., 1989.

⁶ Завражин В. Н. «История» Иоанна Кантакузина и некоторые проблемы развития поздневизантийского города: Автореф. дис. . . канд. ист. наук. Л., 1980; *Он же*. Некоторые проблемы истории поздневизантийского города в новейших исследованиях // ВВ. 1980. Т. 41. С. 273—280; и др.

⁷ Коновалова И. Г. Социально-экономическая и политическая история Карпато-Днестровских земель XIII—XIV вв. по данным итальянских и арабских источников: Автореф. дис. . . канд. ист. наук. М., 1984; и др.

⁸ Гонца Г. В. Молдавия и османская агрессия в последней четв. XV—первой трети XVI в.: Автореф. дис. . . канд. ист. наук. Кишинев, 1982. Монография под тем же назв.: Кишинев, 1984.

⁹ Некрасов А. М. Западный Кавказ в системе международных отношений последней четверти XV—перв. пол. XVI в.: Автореф. дис. . . канд. ист. наук. М., 1983; *Он же*. Международные отношения и народы Западного Кавказа последней четверти XV—первой половины XVI в. М., 1990.

¹⁰ Воронов Ю. Н. Диоскуриада—Себа-стополис—Цхум. М., 1980; и др.

¹¹ Берадзе Т. Н. Мореплавание и морская торговля в средневековой Грузии: Автореф. дис. . . докт. ист. наук. Тбилиси, 1986. Монография под тем же назв.: Тбилиси, 1989.

¹² Кацья Р. Н. Итальянские колонии на Черноморском побережье Кавказа и их взаимоотношения с местными народами (конец XIII—XV в.). Автореф. дис. . . канд. ист. наук. М., 1985; и др.

¹³ Мамиствалишвили Э. М. Внешнеполитические взаимоотношения Грузии во второй половине XV в. и в XVI в.: Автореф. дис. . . докт. ист. наук. Тбилиси, 1983.

¹⁴ Пайчадзе Д. Г. Антиосманская коалиция европейских стран и Грузии в 60-х

бора автора и учитывая только труды на русском языке).

Определенное искажение картины развития советской историографии происходит как от неполного учета литературы, вышедшей до 1988 г., так и от нечеткого осознания определенного рубежа в историографии, наступившего с 80-х годов и ознаменованного, в частности, появлением новых исследовательских центров и изданием их трудов¹⁵, системными исследованиями развития отдельных городов, например Херсона¹⁶, проблем черноморской и византийской торговли¹⁷.

годах XV в.: Автореф. дис. . . . канд. ист. наук. Тбилиси, 1984.

¹⁵ Например: Византия, Средиземное море, Славянский мир. М., 1991; Причерноморье в средние века. М., 1991; Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов-н/Д., 1986; Торговля и мореплавание в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов-н/Д., 1988; Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII—XVI вв. Ростов-н/Д., 1989; Северное Причерноморье: (Материалы по археологии). Киев, 1984; Архитектурно-археологические исследования в Крыму. . . ; Восточное Средиземноморье и Кавказ IV—XVI вв. Л., 1988; Итоги исследований Азово-Донецкой экспедиции в 1986 г. Азов, 1987; Итоги исследований Азово-Донецкой экспедиции в 1987 г. Азов, 1988; Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1988 г. Азов, 1989.

¹⁶ Например: Романчук А. И. Херсонес XII—XIV вв.: Историческая топография. Красноярск, 1986; Богданова Н. М. Херсон в X—XV вв.: Проблемы

П. Штрэссле постоянно подчеркивает необходимость типологизации как основного исследовательского метода. Однако существуют различные уровни как методологии, так и методик научного познания, вариативность исторических объяснений, отнюдь не сводимых только к типологическим или структурно-функциональным видам интерпретаций, которые выделяются П. Штрэссле в качестве ключевых¹⁸.

Не всегда логически правомерен и часто применяемый Штрэссле прием, когда он сам формулирует вопросы и ищет ответы на них в трудах, посвященных иным сюжетам, отмечая потом отсутствие адекватных его вопросам решений тех или иных проблем.

Но, как бы ни оценивать конкретные положения книги П. Штрэссле, она безусловно полезна, ибо применяет системный анализ к историографическому материалу, знакомит зарубежную научную общественность с проблематикой и выводами работ многих десятков советских историков и археологов, дает возможность и нам посмотреть с критической стороны на непростой путь развития науки в СССР.

С. П. Карпов

истории византийского города: Автореф. дис. . . . канд. ист. наук. М., 1987.

¹⁷ Например: Карпов С. П. Итальянские морские республики. . . (там же библиография); Хвостова К. В. Некоторые вопросы внутренней торговли и торговой политики в Византии XIV—XV вв. // ВВ. 1989. Т. 50. С. 36—46; и др.

¹⁸ См. об этом подробнее: Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987. С. 26—41, 230—239.

Balard M. Les Croisades. P., 1988. 213 p.

Книга профессора Парижского университета (Валь де Марн) М. Балара — не традиционная история крестовых походов. Это продуманный терминологический словарь с большими вводными статьями о каждом из походов, библиографическим и хронологическим указателями, генеалогической таблицей иерусалимского королевского дома, картами и схемами. Труд Балара вполне отражает новые подходы к истории крестовых походов не только как к военным экспедициям на Восток, но и как к широкому миграционным движениям, охватывавшим различные, большие и малые, социальные группы на Западе. Автор справедливо возражает против практики употребления все словосочетания «крестовые походы», которым обозначают все что угодно, вплоть до борьбы с саранчой в Африке (с. 9). Для самих участников крестовых походов, впрочем, они были

«пилигримажем», «путем» (iter) в Святую Землю, «экспедицией». Лишь с середины XIII в., уже на закате движения, укореняется термин «крестовые походы».

В книге отражен интерес современной медиэвистики к демографической мотивации крестовых походов, к состоянию ментальности общества Западной Европы в ту эпоху. Автор обращается и к традициям Реконкисты, повлиявшим на форму и содержание «пилигримажей» в Святую Землю, к роли эволюции отношений Византии и Запада. Наконец, в поле его зрения оказываются и так называемые «Поздние крестовые походы», направленные в XIV—XV вв. главным образом против турок. Мы вполне солидарны с мнением А. Атийи и М. Балара, что в широком смысле слова крестовые походы завершаются не падением в 1291 г. последних франкских государств в Сирии, а битвой при Лепанто (1571 г.).